

Комментарии о Государстве и Бизнесе

350

10 марта 2021

Все мнения, высказанные в данном обозрении, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Реальный сектор

Промышленность России: итоги кризиса и ситуация в первом квартале 2021 г.

Кризисный 2020 г. был непростым для всех сфер экономики России, и промышленное производство не стало исключением. Начиная с апреля 2020 г., объем промышленного производства стал падать и сократился в итоге на 2,6%. Не последнюю роль здесь сыграло ограничение на добычу нефти, принятое в рамках ОПЕК+, – добывающая промышленность снизила выпуск на 6,9%. Обрабатывающая промышленность чувствовала себя более уверенно, увеличив выпуск на 0,6%. Отметим, что в декабре индекс промышленного производства год к году находился в положительной области, однако в январе 2021 г. возобновилось падение. Надо ли бить тревогу? Не начинается ли третья волна рецессии? Для ответа на этот вопрос проанализируем февральские опросы Росстата и дадим на их базе краткосрочный прогноз динамики промпроизводства в России.

1. Пандемия COVID-19: некоторые предварительные итоги и последствия для экономик мира

Неплохая в целом динамика российской экономики в 2020 г., «упавшей» меньше, чем мировая (-3,1 и -3,5% соответственно), и начало постепенного ослабления пандемийных ограничений не гарантируют, тем не менее, быстрого и, самое главное, устойчивого возврата даже к докризисным невысоким темпам роста российского ВВП на уровне примерно 2,2% в 2017–2019 гг. Это связано с эффектом гистерезиса, то есть своего рода «шрамами», которые пандемии часто оставляют на экономиках.

Состояние здоровья населения в мире на фоне карантинных ограничений и перегрузки системы здравоохранения, скорее всего, в целом ухудшилось (на фоне более чем 1,5 млн погибших напрямую от пандемии к декабрю 2020 г.); инвестиции в повышение производительности резко упали; процесс образования серьезно нарушился; оказались под сомнением стратегии роста многих стран, включая их участие в глобальных цепочках создания стоимости и специализацию в сфере гостеприимства и туризма¹. Пандемия привела во многих странах мира к увеличению неравенства из-за больших потерь человеческого капитала среди людей, которые и так уже находятся в неблагоприятном

¹ Dieppe, A., ed.// Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies. World Bank, 2020.

положении. Это затрудняет возвращение на траекторию все более инклюзивного роста – важного фактора ускорения экономической динамики в современных условиях господства соцсетей, всеобщей открытости и возрастающей роли человеческого капитала на фоне ухода на второй план фактора дешевизны рабочей силы в силу развития робототехники и интеллектуальных систем принятия решений (как слабой формы искусственного интеллекта).

Пандемия COVID-19, по оценкам Всемирного банка, при инерционном развитии событий приведет к замедлению в ближайшее десятилетие темпов роста потенциального ВВП на 0,3 и 0,6 п.п. в год для мировой экономики и развивающихся экономик соответственно². Между тем глобальный потенциальный рост производства и без того снизился в 2010–2019 гг. до 2,5%, что значительно ниже среднегодового показателя в 3,3% в предыдущем десятилетии. Таким образом, для мировой экономики потенциальный рост в 2020–2030 гг. составит лишь 1,8 п.п. (с учетом замедления, предполагавшегося еще до пандемии)³, что может крайне негативно сказаться на важных для России ценах на энергоносители.

При этом напомним, что существующий среднесрочный прогноз Минэкономразвития России, наоборот, предполагает ускорение роста в 2021–2023 гг. по сравнению с предкризисным уровнем примерно на 1 п.п., в том числе уже в этом году до 3,3%. Это фактический, а не потенциальный рост, о котором говорилось выше, но уровень последнего для российской экономики оценивался в пределах 2% в год еще до пандемии. Ускорить рост при складывающихся внешних условиях возможно, но крайне непросто.

Конечно, замедление мировой экономики после пандемии – это усредненный эффект. Такого рода прогноз предполагает, что ухудшение произойдет, если не будут приняты эффективные меры в сфере экономической политики или не материализуются крупные технологические достижения. В условиях неопределенности трудно переоценить роль государственных регуляторов, которые с помощью сценарных прогнозов и прочих ориентиров должны «упорядочивать хаос», делать заведомо беспроигрышные инвестиции (например, вкладываться в здравоохранение и образование), стараться осуществлять стартовые вложения в весь спектр секторов и сфер, потенциально могущих «выстрелить» (то есть «покупать реальные опционы», чтобы «начинать забег с низкого старта»). В каждом отдельном случае ситуация может развиваться по разному.

О том, что на самом деле происходит в российской экономике в начале года, можно судить как по разного рода косвенным опережающим индикаторам, так и на основе прямых реальных данных о динамике промышленного производства, которые более оперативны, чем данные о ВВП. И здесь в динамике промышленности мы видим такие изменения, которые настораживают, но пока не привлекли особого внимания.

2. Ситуация в российской промышленности в 2020 г.: две волны замедления, неравномерная динамика по секторам, совокупное падение меньше, чем ожидалось, и улучшение ситуации в конце

По данным Росстата, в декабре 2020 г. промышленность после многих месяцев падения увеличила объем выпуска на 2,1% год к году, что явилось наилучшим показателем начиная с апреля (табл. 1). **Среднегодовой спад промышленного производства, по уточненным данным, составил -2,6%, что заметно лучше большинства прогнозов.**

² World Bank (WBG). Global Economic Prospects. Jan. 2021.

³ Это следует из того, что еще до пандемии тенденции в фундаментальных движущих силах роста предполагали, что среднегодовой потенциальный рост производства замедлится на 0,4 п.п. в глобальном масштабе (и на 1,0 п.п. в развивающихся экономиках) в течение 2020-х годов. См.: Там же.

Таблица 1. Прирост промышленного производства в основных секторах промышленности в 2020 г. и в январе 2021 г., в %

	2020 г. в целом	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Ноя.	Дек.	Янв. 2021
<i>Год к году</i>														
Промышленное производство, всего (Росстат)	-2,6	1,2	4,6	2,2	-4,7	-8,0	-7,3	-6,1	-4,5	-4,0	-5,7	-1,5	2,1	-2,5
Добыча полезных ископаемых	-6,9	0,4	3,0	-0,3	-1,1	-12,7	-13,2	-14,2	-10,8	-9,5	-9,2	-7,5	-7,5	-7,1
Обрабатывающие производства	0,4	3,8	7,3	5,7	-7,7	-4,6	-3,2	-0,3	0,2	-0,1	-3,9	2,9	7,9	-1,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; и пр.	-2,4	-6,4	-1,7	-3,6	-1,6	-4,1	-4,3	-1,8	-2,7	-3,0	-3,5	-2,8	5,6	7,3
Водоснабжение; водоотведение, отходы и пр.	-3,8	0,6	1,5	-6,9	-13,9	-10,9	-10,8	-10,1	-5,7	-1,8	3,0	4,7	6,5	10,7
<i>Месяц к месяцу, сезонность устранена</i>														
Промышленное производство, всего (сезонность и календарный фактор устранены Росстатом)*		-0,6	1,4	-0,5	-5,9	-4,2	-1,8	1,4	1,5	0,0	0,0	1,7	4,0	-3,8
Промышленное производство, всего (сезонность устранена Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ)**	0,2	-1,2	1,3	0,3	-4,3	-5,6	2,1	2,3	1,1	0,9	-0,8	1,8	4,4	-5,6
Добыча полезных ископаемых	-0,6	-0,9	-0,5	0,6	0,1	-12,1	-0,2	-0,7	4,0	1,4	-0,7	1,8	0,3	-0,3
Обрабатывающие производства	0,7	-0,7	1,8	0,4	-9,1	0,8	3,3	3,7	0,1	0,7	-0,7	1,3	6,8	-8,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; и пр.	0,5	-1,4	1,4	0,8	1,8	-2,3	0,0	1,4	-0,8	0,8	-1,4	1,0	4,3	0,0
Водоснабжение; водоотведение, отходы и пр.	0,6	-1,0	2,0	-2,0	-3,8	-0,4	-2,1	3,5	5,7	-0,1	1,5	0,7	2,8	2,8

* С исключением сезонного и календарного факторов.

** С исключением сезонного фактора.

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

При этом добывающая промышленность упала в 2020 г. почти на 7%, что связано не только с сокращением добычи нефти и газового конденсата на 8,6%, до 512,7 млн т (с постсоветского рекорда в 2019 г. в размере 568 млн т), но также с сокращением добычи угля на 10,1%. Явно негативно на фоне локдаунов на динамике угледобычи сказалось снижение экономической активности, а также тенденция к замене угля более экологичными видами топлива. Предприятия в секторе производства электроэнергии и пара, а также водоснабжения и утилизации отходов в 2020 г. сократили выпуск на 2,4 и 3,8% соответственно.

На фоне ослабления рубля и роста госзаказов правительству удалось на время уменьшить влияние низкого внутреннего спроса, который российские предприятия с середины 2014 г. (после падения цен на нефть и введения санкций) считают первым из двух основных

ограничений экономического роста⁴. **Российская обрабатывающая промышленность, несмотря на пандемию, выросла в 2020 г. на 0,6%.** Важно отметить, что фронтальной рецессии в 2020 г. в промышленности не было: так в 15 из 24 секторов обрабатывающей промышленности объем производства вырос, и лишь в девяти – упал. Среди лидеров роста в 2020 г. были производители лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, а также химических изделий и текстиля; среди отстающих наиболее пострадали производители продукции инвестиционного назначения, а также изделий из кожи (табл. 1).

Помимо указанных выше факторов (ослабевший рубль и госзаказ), устойчивость обрабатывающей промышленности к кризисным явлениям можно объяснить усилением спроса на стройматериалы со стороны строительства (на фоне госстимулирования ипотечного рынка) и укреплением в мире тенденции к reshoring на фоне возросших рисков ориентации в закупках продукции обрабатывающей промышленности на один только азиатский регион в связи с частым возникновением здесь эпидемических очагов.

В целом динамика промышленности в 2020 г., если ориентироваться на данные со снятой сезонностью, имела волнообразный характер: резкое падение в апреле-июне, стагнация в сентябре-октябре и переход к восстановлению в ноябре-декабре. Последнее объяснялось восстановительным ростом во всех основных секторах промышленности.

3. О конъюнктуре в секторах промышленности в январе-феврале 2021 г.: начнется ли третья волна рецессии?

3.1. Январская статистика промышленности: неожиданное падение промпроизводства

Данные статистики Росстата за январь свидетельствуют о том, что устойчивого восстановления российской промышленности пока не достигнуто. Так, спад промышленности год к году составил в январе -2,5%. При этом число официальных рабочих дней в этом январе было на два меньше, чем в 2020 г., однако **падение промышленного производства месяц к месяцу со снятой сезонностью и устраненным календарным фактором составило в январе -3,8% по оценке Росстата. (см. табл. 1).** Причем особенно сильно «просела» обрабатывающая промышленность, а стабильность или ускорение наблюдались лишь в инфраструктурных секторах, что частично можно объяснить холодной зимой.

Тепловая диаграмма (табл. 2), составленная на основе индексов роста промышленных секторов «месяц к месяцу» с устраненной нами сезонностью, оптимизма отнюдь не внушает. Так, в январе наблюдается абсолютное преобладание оттенков красного цвета, что сигнализирует о спаде выпуска. Наибольший отрицательный вклад вносит производство прочих транспортных средств и готовых металлических изделий. Рост – только в производстве мебели, компьютеров и электроники, табачных изделий, напитков (наибольший положительный вклад), а также в водоснабжении.

⁴ На втором месте сейчас уверенно и с большим запасом относительно прочих ограничений (кроме высокого уровня налогообложения) идет фактор неопределенности экономической ситуации.

Таблица 2. Теплограмма динамики секторов промышленности в мае 2020 – январе 2021 гг. (прирост за месяц со снятой сезонностью к предыдущему месяцу), в %

	2020 г.									Янв. 2021 г.	Доли в пром-ти в целом, %	Вклад в прирост пром-ти в январе, п.п.
	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек				
ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ	-12,1	-0,2	-0,7	4,0	1,4	-0,7	1,8	0,3	-0,3		34,3	-0,12
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИЕЙ, ГАЗОМ И ПАРОМ; И ПР.	-2,3	0,0	1,4	-0,8	0,8	-1,4	1,0	4,3	0,0		9,6	0,00
Производство кокса и нефтепродуктов	-6,4	-3,3	3,8	1,0	1,5	-2,1	1,5	-0,3	-1,3		9,2	-0,12
Производство металлургическое	-0,2	0,7	3,5	-3,2	2,9	1,8	-2,8	0,9	-0,8		8,9	-0,07
Производство пищевых продуктов	-2,8	2,0	-0,4	0,7	0,7	-0,4	-1,4	0,6	-0,4		7,2	-0,03
Производство химических веществ и химических продуктов	0,1	-1,0	5,0	-0,3	1,0	0,0	1,5	2,2	-1,2		3,7	-0,04
Производство прочих транспортных средств и оборудования	6,2	2,8	5,8	9,2	-2,5	1,9	-3,9	7,6	-9,8		2,8	-0,27
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	5,3	6,2	1,1	0,4	1,6	-0,1	1,5	-1,2	-0,8		2,4	-0,02
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	19,9	22,0	-3,2	1,2	-2,3	-6,8	15,1	-1,7	-18,3		2,4	-0,44
ВОДОСНАБЖЕНИЕ; ВОДООТВЕДЕНИЕ, СБОР ОТХОДОВ И ПР.	-0,4	-2,1	3,5	5,7	-0,1	1,5	0,7	2,8	2,8		2,4	0,07
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	20,6	2,7	20,0	19,1	-20,2	2,1	-11,9	19,7	1,6		2	0,03
Ремонт и монтаж машин и оборудования	-1,0	3,9	9,7	-6,3	1,6	-4,8	0,1	8,9	-3,8		2	-0,08
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	6,8	5,9	8,2	-2,7	-1,3	-5,1	18,6	-11,5	0,1		1,9	0,00
Производство напитков	-3,2	7,8	8,8	-9,9	2,1	-3,0	-1,0	5,6	20,6		1,7	0,35
Производство автотранспортных средств	38,2	31,7	30,6	-22,6	23,4	-1,5	0,4	5,7	-8,1		1,3	-0,10
Обработка древесины и производство изделий из дерева	6,1	8,4	5,3	-1,8	1,6	-0,8	-0,7	2,8	-3,9		1,2	-0,05
Производство резиновых и пластмассовых изделий	-4,4	11,5	3,3	0,4	3,4	-2,0	2,9	2,5	0,0		1,2	0,00
Производство электрического оборудования	12,5	13,7	2,2	-2,3	8,3	-4,8	2,3	2,0	-5,7		1,2	-0,07
Производство бумаги и бумажных изделий	-5,7	5,9	1,5	2,4	2,0	1,6	-1,8	1,4	-3,2		1,0	-0,03
Производство лекарственных средств и материалов для медицины	-3,7	14,7	-3,5	4,6	0,7	-16,3	34,3	42,7	-19,0		0,7	-0,13
Производство табачных изделий	18,4	-1,0	11,0	-11,8	0,5	3,3	8,0	-9,3	17,7		0,6	0,11
Производство прочих готовых изделий	42,1	26,9	3,1	-8,4	-0,4	-2,1	7,7	-6,5	-2,2		0,5	-0,01
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	-6,4	2,6	2,0	-3,6	8,1	-4,4	-0,3	18,8	-18,1		0,4	-0,07
Производство мебели	15,5	22,5	16,3	-7,6	9,4	-3,7	-0,2	1,2	0,5		0,4	0,00
Производство текстильных изделий	-4,2	12,4	-0,1	3,4	5,1	-1,9	2,9	1,8	-4,5		0,3	-0,01
Производство одежды	22,4	3,2	13,0	-9,7	4,1	0,1	3,5	6,8	-10,2		0,3	-0,03
Производство кожи и изделий из кожи	18,0	24,3	5,5	-4,5	3,2	-4,6	0,6	7,0	-6,7		0,2	-0,01

Примечание. Темно-зеленый цвет – прирост больше 3%, светло-зеленый цвет – прирост от 0,3 до 3%, желтый цвет – прирост +0,3%, красный цвет – падение больше -3%, розовый цвет – падение от -0,3 до -3%.

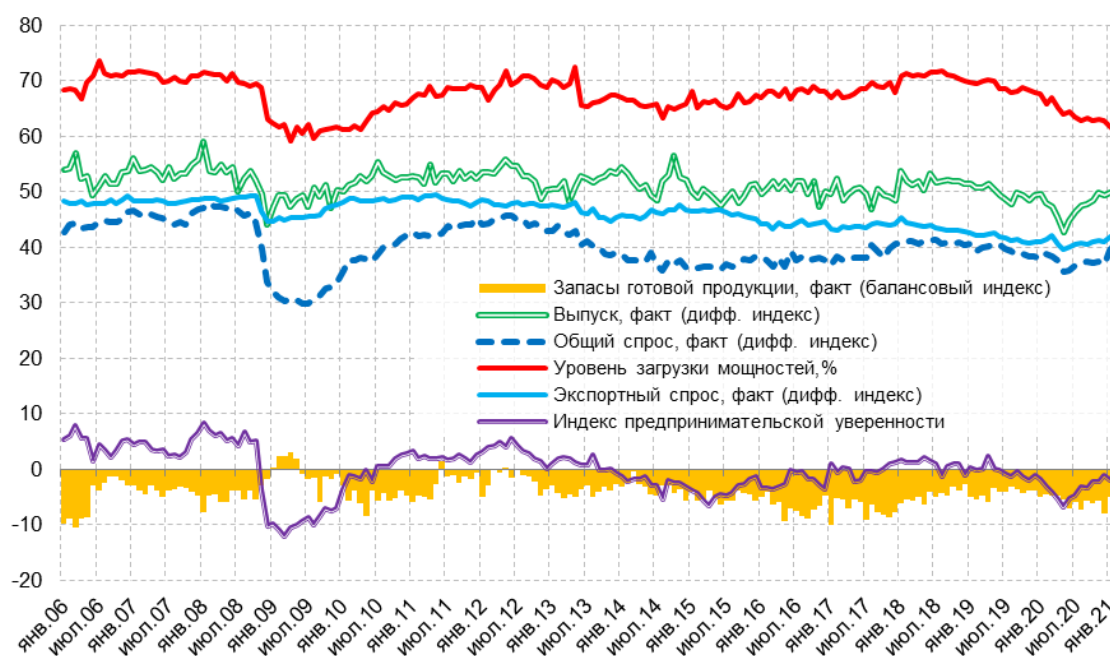
Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ с использованием данных Росстата.

3.2. Что говорят о промышленной конъюнктуре февральские опросы Росстата?

Подкрепляются ли данные о январском спаде февральскими опросами Росстата? Некоторые тренды, важные для оценки и прогноза, демонстрируют рисунки 1–3, на которых показаны тенденции ряда опросных экономических индикаторов, рассчитываемых нами по данным Росстата. Из первичных опросных данных, преобразованных нами в диффузные индексы со снятой сезонностью, следует, что:

- **В феврале выпуск рос в двух секторах из трех.** В феврале наблюдался рост диффузных индексов, характеризующих уровень выпуска в обрабатывающей промышленности, стагнация – в добывающей промышленности, а снижение – лишь в электро- и теплоэнергетике. Последнее, несмотря на холодную зиму, может объясняться спадом в энергоемких секторах экономики⁵;

Рис. 1. Показатели экономической конъюнктуры⁶ в добывающей промышленности по данным опросов Росстата в январе 2006 – феврале 2021 гг. (сезонность устранена)

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

⁵ В конце 2020 – начале 2021 гг. наблюдался выраженный или слабый рост диффузных индексов, характеризующих уровень выпуска в добывающей и обрабатывающей промышленности (в феврале, соответственно, 0,19 и 0,60 п.п.). В энергетике же наблюдался спад (-0,37 п.п. в феврале).

⁶ Диффузный индекс в общем случае – доля опрошенных (в %), указавших на рост показателя в текущем месяце плюс 0,5*доли опрошенных, указавших на неизменность показателя в текущем месяце. Диффузный индекс отличается от балансового тем, что в последнем учитывается разница (баланс) доли опрошенных (в %), указавших на рост и уменьшение показателя, а доля опрошенных, указавших на неизменность показателя, не учитывается.

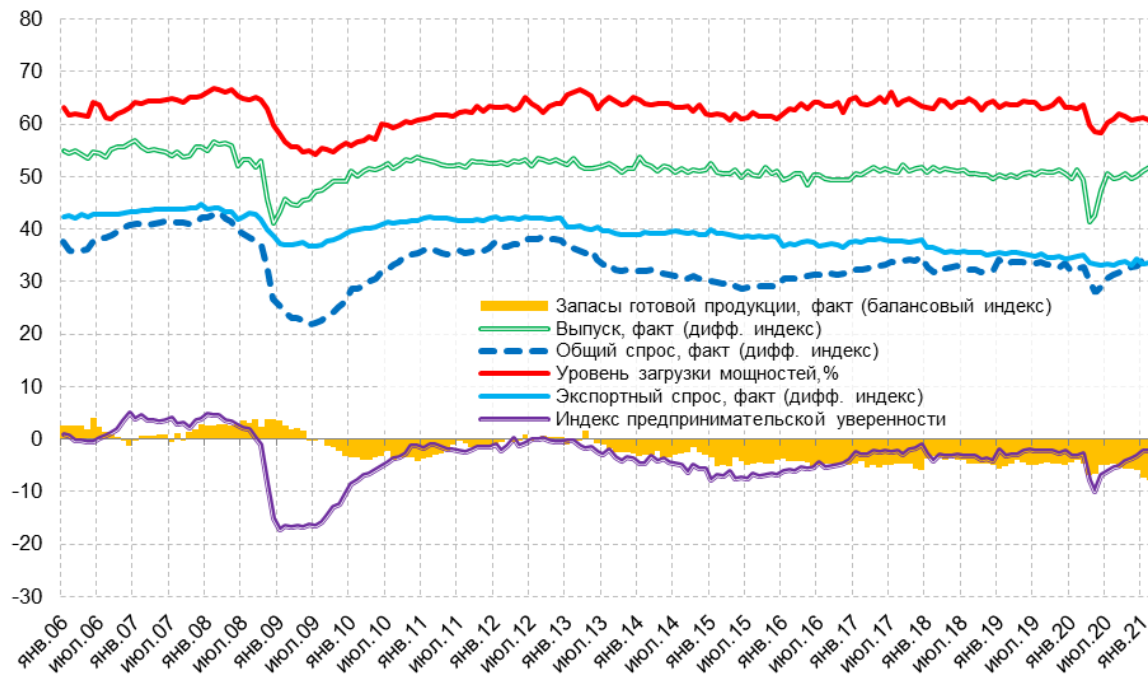
Запасы готовой продукции (факт, балансовый индекс) – баланс (разность) долей респондентов (в %), отметивших «более чем достаточный» и «недостаточный» в отношении показателя в текущем месяце.

Выпуск (факт, диффузный индекс) – преобразованный авторами в диффузный индекс росстатовский индикатор – баланс (разность) оценок значения показателя, определяемого как доля респондентов, отметивших «увеличение» и «уменьшение» показателя в текущем месяце.

Внутренний и экспортный портфели заказов (факт, диффузный индекс): преобразованный авторами в диффузный индекс росстатовский индикатор – баланс (разность) оценок значения показателя, определяемого как доля респондентов, оценивших портфель заказов как «более чем достаточный» и «недостаточный» (в %).

- Внутренний спрос в начале года растет в двух секторах из трех (он стабилен в электро- и теплоэнергетике)⁷. После провала в первой половине прошлого года он достиг уровня 2019 г. в этих же растущих секторах;
- Индекс, характеризующий экспортный портфель заказов (внешний спрос), в феврале продолжил восстановление в добывающей промышленности, но был стабилен в обрабатывающей. При этом в последней он не рос и в 2020 г., что говорит о том, что источником ее в целом стабильного состояния в ходе общеэкономического кризиса был внутренний спрос (частично, возможно, импортозамещение);
- **Загрузка производственных мощностей в ходе кризиса упала в секторах промышленности на 5–10% и в феврале выросла лишь в электро- и теплоэнергетике⁸. Падение загрузки, на наш взгляд, не позволяет рассчитывать на начало спонтанного оживления инвестиционной активности в течение примерно одного года после устойчивого возобновления роста;**
- Уровень запасов во всех трех секторах промышленности по-прежнему находится ниже нормы, что при росте оптимизма может способствовать увеличению выпуска даже при отсутствии роста текущего спроса;
- Индекс предпринимательской уверенности в феврале увеличивался в добывающей промышленности и в электро- и теплоэнергетике (при стабильности в обрабатывающей промышленности на фоне ее более раннего восстановления до докризисного уровня).

Рис. 2. Показатели экономической конъюнктуры в обрабатывающей промышленности по данным опросов Росстата в январе 2006 – феврале 2021 гг. (сезонность устранена)

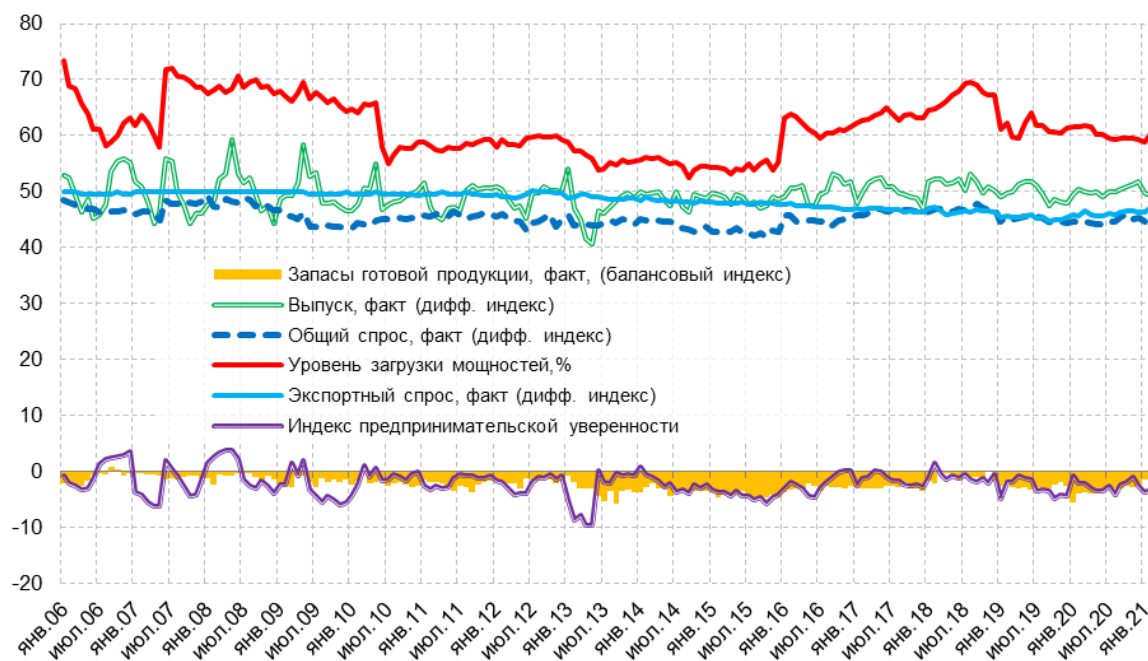
Примечание. См. сноску 6.

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

⁷ В добывающей промышленности внутренний спрос несколько упал в декабре (-0,54 п.п.), но вырос в начале 2021 г. (+2,53 п.п. в январе и +1,31 п.п. в феврале); в обрабатывающей – стабильно растет.

⁸ Загрузка производственных мощностей в конце 2020 и начале 2021 гг. просела в добыче полезных ископаемых (-1,12 п.п. в январе и -0,58 в феврале); в энергетике наблюдалось проседание в январе и солидный прирост (+1,47 п.п.) в феврале.

Рис. 3. Показатели экономической конъюнктуры в электро- и теплоэнергетике по данным опросов Росстата в январе 2006 – феврале 2021 гг. (сезонность устранена)

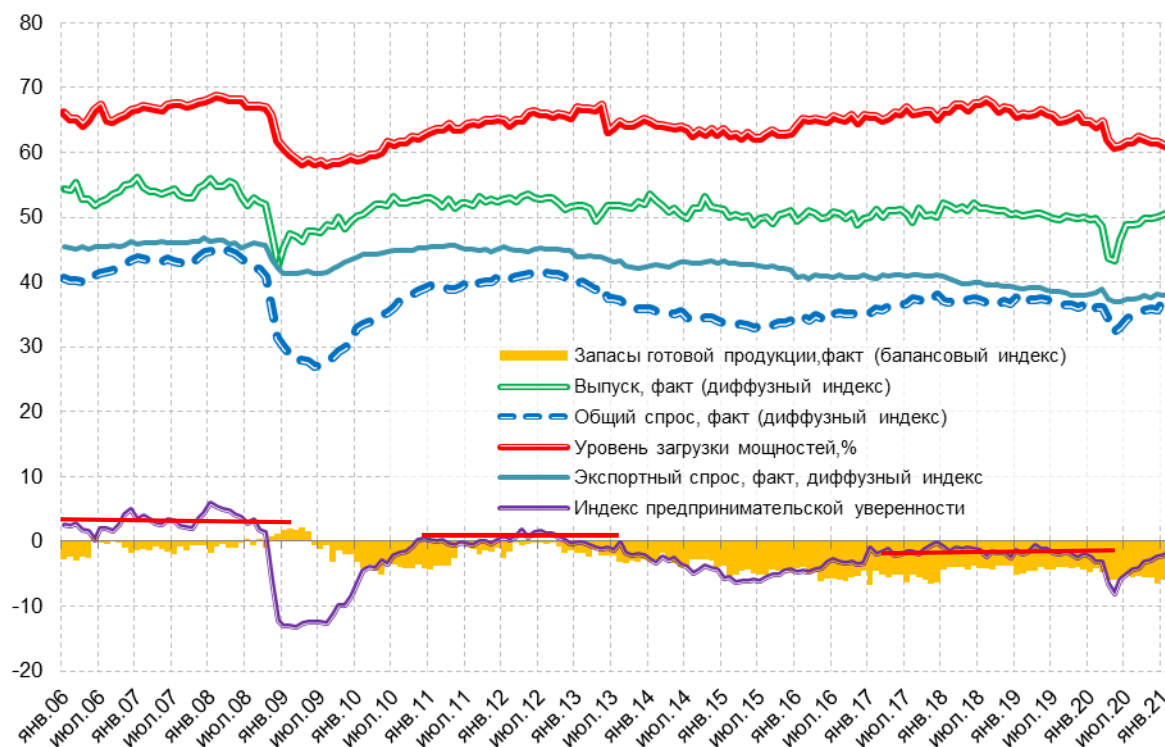
Примечание. См. сноску 6.

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

Из опросных данных, преобразованных нами в диффузные индексы со снятой сезонностью по промышленности в целом (рис. 4), следует, что:

- В январе-феврале 2021 г. наблюдался рост диффузного индекса, характеризующего объем выпуска, кумулятивно на 0,8 п.п. к декабрю 2020 г.;
- Диффузный индекс, характеризующий **внутренний спрос в промышленности в целом, вырос в январе на 1,6 п.п. к декабрю 2020 г. и продолжил рост в феврале**, при этом он достиг предкризисного уровня (что примерно соответствует результату, показанному в мае 2019 г.);
- Диффузный индекс, характеризующий **экспортный портфель заказов (внешний спрос) в промышленности в целом, упал в январе 2021 г. на 0,1 п.п., а в феврале к январю несколько вырос – на 0,3 п.п., однако в целом внешний спрос восстанавливается гораздо медленнее внутреннего;**
- Загрузка производственных мощностей в январе 2021 г. упала по сравнению с декабрем 2020 г. на 0,4 п.п., и далее еще на 0,4 п.п. в феврале. **Текущий уровень загрузки мощностей находится ниже предкризисного уровня, что не способствует (при прочих равных) быстрому росту инвестиций**, хотя при этом возможны вложения в новые мощности в соответствии с изменившейся структурой спроса. Однако надо иметь в виду, что выявить такие изменения в условиях высокого уровня неопределенности (о котором также говорят опросы) предприятиям нелегко;

Рис. 4. Показатели экономической конъюнктуры в промышленности в целом по данным опросов Росстата в январе 2006 – феврале 2021 гг. (сезонность устранена)

Примечание. См. сноску 6.

Источник: расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

- **Уровень запасов** по-прежнему находится ниже нормы, что при росте оптимизма и/или снижении уровня неопределенности может способствовать увеличению выпуска даже при отсутствии заметного роста внутреннего и внешнего спроса (то есть предприятия будут работать на склад в надежде на рост спроса в будущем или из опасений увеличения инфляции);
- **Интегральный индекс предпринимательской уверенности** достиг «дна» в мае 2020 г. и с тех пор имеет явную тенденцию к росту, оставаясь пока, впрочем, в минусе. При этом, однако, даже предкризисный уровень предпринимательской уверенности (2017–2019 гг.) заметно ниже уровня 2011–2013 гг. и еще ниже уровня 2006–2008 гг. (красные линии на рис. 4).

4. О краткосрочном прогнозе динамики промышленного производства в начале 2021 г.

В мире появляются признаки восстановления традиционных видов экономической активности, наиболее сильно пострадавших от пандемии. Об этом, в частности, говорит тот факт, что многие крупнейшие технологические компании, которые возглавляли сильное rally фондового рынка с апреля по декабрь 2020 г., в начале 2021 г. не смогли привлечь новых инвесторов впечатляющими финансовыми показателями четвертого квартала 2020 г. (на это указывает прекращение роста цен акций на крупнейших биржах). Возможно, это свидетельствует о том, что участники рынка опасаются замедления их роста по мере перезапуска экономик, что в определенной мере может поддерживать российскую промышленность, ориентированную при поставках за рубеж не на высокотехнологичные, а

на традиционные сектора мировой экономики, за исключением тех, которые уже начали испытывать трудности на фоне ужесточения экологических требований. Если восстановления добычи газа после падения в 2020 г. при отсутствии третьей волны пандемии можно ожидать уже к середине 2022 г., а нефти – в 2023 г., то будущая траектория добычи угля под вопросом: высока вероятность того, что, в лучшем случае, она будет стагнировать на нынешнем уровне.

Тем не менее российская промышленность в целом может восстановиться скорее, чем ТЭК. По нашим прогнозам, составленным на основе опросных данных Росстата за январь-февраль, **в феврале-апреле 2021 г. спад промышленности в целом в годовом выражении будет, возможно, лишь немногим ниже, чем в 2020 г.: его темпы ориентировочно могут составить минус 1,5–2% год к году.** Однако после снятия сезонности это будет означать прирост в феврале на 2%, а в марте-апреле – на 0,4% месяц к месяцу. Таким образом, **на вопрос, сформулированный во введении, относительно возможного начала в январе третьей волны рецессии или стагнации промышленности, можно ответить скорее отрицательно.**

При таких условиях, чтобы по итогам 2021 г. выйти на темпы прироста промышленного производства, заложенные в текущую версию среднесрочного прогноза Минэкономразвития (плюс 2,6% за 2021 г.), необходимо, чтобы в оставшийся период (с мая) средний ежемесячный прирост в промышленности составил примерно 0,2%. Это позволит промышленности в декабре достичь предкризисного уровня марта 2020 г. Таким образом, **кризис обойдется российской индустрии потерянными с точки зрения объемов выпуска одним годом и девятью месяцами.** При этом на фоне угрозы появления финансовых проблем у заемщиков, которые пока получают помощь и отсрочки по кредитам, постоянного мониторинга требует финансовое состояние предприятий реального сектора экономики. Это особенно актуально в связи с тем, что четыре предыдущие послевоенные глобальные рецессии (в 2020 г. была пятая) сопровождались волной (иногда отсроченной) финансовых кризисов.

Валерий Миронов, Алексей Кузнецов

Команда Центра развития

Дарья Авдеева
Наталья Акиндинова
Николай Кондрашов
Людмила Коновалова
Алексей Кузнецов
Валерий Миронов
Светлана Мисихина
Анжела Назарова
Сергей Пухов
Наталья Самсонова
Игорь Сафонов
Сергей Смирнов
Степан Смирнов
Алена Чепель
Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ: тел. +7 (495) 772-95-90 доб. 23617, e-mail: info_dcenter@hse.ru, <http://dcenter.hse.ru/>

ПРЕСС-СЛУЖБА НИУ ВШЭ: тел. +7 (495) 772-95-67, e-mail: press@hse.ru, <http://www.hse.ru>

Вся информация, представленная в настоящем выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в выпуске, необходимо ссылаться на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.